

лапы-листы, под один из которых забравшись, бог весть каким образом, *солнце* превращало его вдруг в *прозрачный* и *огненный*, чудно сиявший в этой густой темноте» (VI, 113). Курсивом нами выделены те образные средства, которые были использованы в портрете губернаторской дочери.

Итак, сад Плюшкина — это и утверждение природной красоты человека, и страшный образ того, кто растерял на жизненном пути прекрасные человеческие движения, полученные от природы.

Второй сад, о котором говорится в той же главе, «сияет, убранный огнями и плошками, оглашенный громом музыки» (ср.: в первом случае источник «сияния» — солнце, во втором — плошки). Прямой образный контраст той молодой ветви клена, которая служила зрительным и смысловым центром в первом пейзаже, находим здесь в картине насилия над естественным состоянием природы, «когда театрально выскакивает из древесной гущи озаренная поддельным светом ветвь, лишенная своей яркой зелени». «А вверху темнее, и суровее, и в двадцать раз грознее является чрез то ночное небо, — пишет далее Гоголь, — и, далеко трепеща листьями в вышине, уходя глубже в непробудный мрак, негодуют суровые вершины деревьев на сей мишурный блеск, осветивший снизу их корни» (VI, 120).

Признавая символический характер этого образа, исследователи обычно дают ему прямолинейно-социологическое истолкование в духе крыловской басни «Листы и корни», только с обратным значением компонентов.¹⁰ Между тем такая трактовка убивает весь смысл проводимой Гоголем параллели и вообще плохо вяжется с общим строем поэмы.

По-видимому, правильнее искать смысл этой картины в эпитетах «театральный», «поддельный», «мишурный». Символ «театра» — классический в просветительских характеристиках мира цивилизации. «Замечательно то сравнение жизни с театром, которое приводит Дидро, — пишет исследователь эстетики Просвещения, имея в виду «Парадокс об актере». — Это сравнение не случайно и встречается также, например, у Фильдинга <...> Раз данная от природы *сущность* человека есть доброта, чувствительность, то все, что происходит в реальной жизни, конечно, обман, лицемерие, *ложная иллюзия*, театрализованное извращение природы».¹¹ Такова, без сомнения, и внутренняя идея гоголевской символики.

Гоголевское уподобление природы (в разных состояниях) человеку очень близко к мысли, развиваемой Карамзиным в его «Деревне»: «Вижу сад, аллеи, цветники — иду мимо их — осиновая роща для меня привлекательнее. В деревне всякое искусство про-

¹⁰ См., например: Н. Л. Степанов. Н. В. Гоголь. Творческий путь. М., 1955, стр. 416—417.

¹¹ И. Верцман. К проблемам реализма в эстетике Просвещения. — Сб. «Реализм XVIII века на Западе», М., 1936, стр. 20.